

18+

НАШИ НЕ ПРИДУТ

Сергей Волобуев

Сергей Волобуев

**Наши не придут.
Стихотворения и поэмы**

«Издательские решения»

Волобуев С.

Наши не придут. Стихотворения и поэмы / С. Волобуев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518112-1

Книга «Наши не придут» — сборник разноплановых стихотворений с попыткой осмысления событий, произошедших в нашей стране и мире за последнее время и в обозримом прошлом. Все стихи объединены четкой гражданской позицией автора и любовью к Родине.

ISBN 978-5-00-518112-1

© Волобуев С.
© Издательские решения

Содержание

Без претензий	7
Умом Россию	10
На железной дороге (по А. Блоку)	15
Я к Богу шел	19
Родине	21
Моя Россия	24
Встреча с Ильичом	27
Пророчество	35
С.А.Есенину	39
Новейшая история страны	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

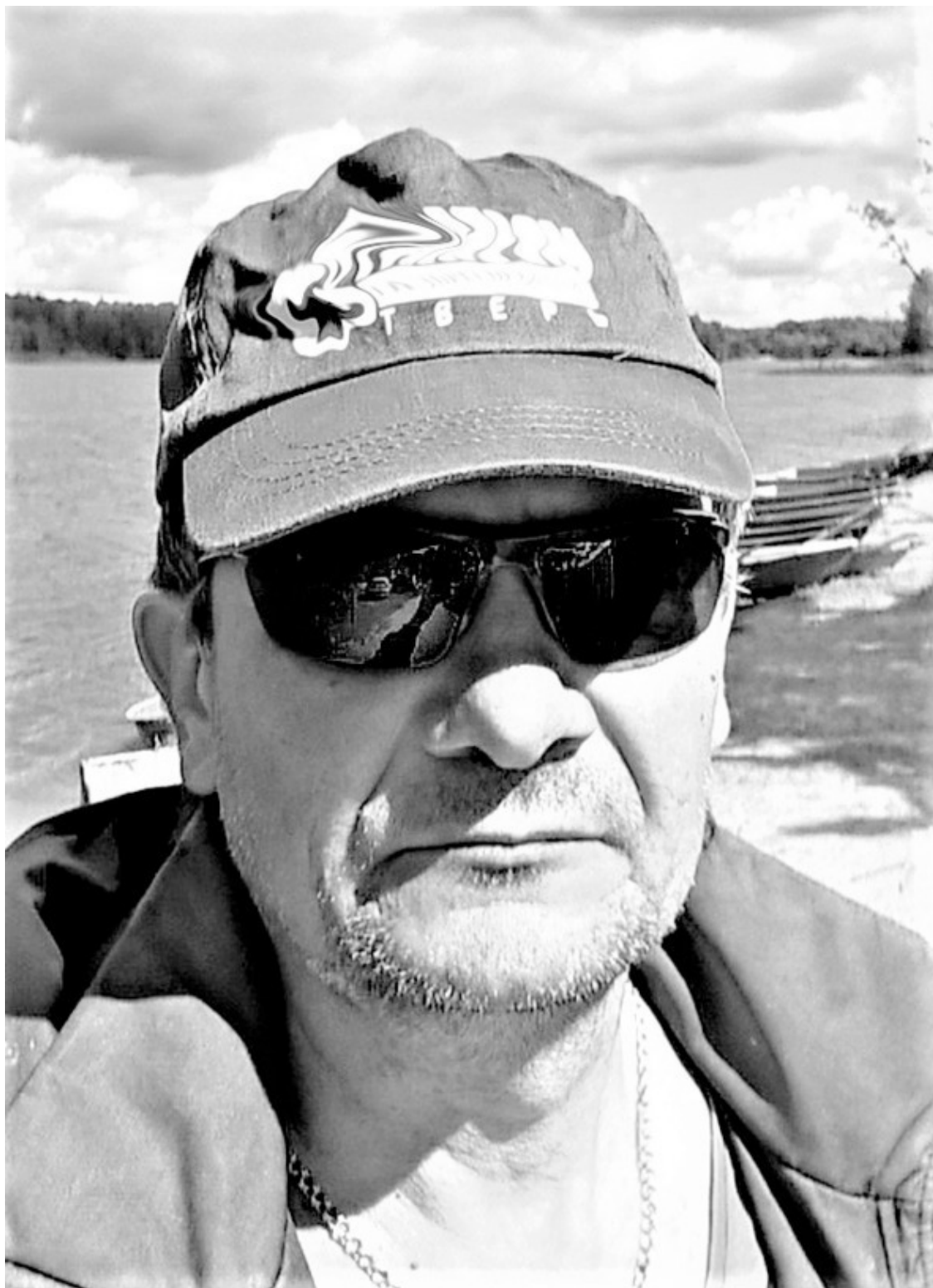
Наши не придут Стихотворения и поэмы

Сергей Волобуев

© Сергей Волобуев, 2021

ISBN 978-5-0051-8112-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Без претензий

Я без претензий на высокий слог —
Меня порой роняют запятые...
Хотел писать, как Пушкин, но не смог.
А если б смог – претендовал в святые.

Во мне не воплотилась ипостась,
И мой талант не виден и не ясен.
Я с детства не люблю любую власть,
А разум мой для общества опасен.

В моих речах кобылы сивый бред,
А в мыслях все ещё намного хуже.
Я обществу несу огромный вред,
А детям и жене совсем не нужен.

Я слов любви не выучил пока.
Я, старый воин, а не крыса тыла,
Дождался лишь тернового венка —
Моя страна давно меня забыла.

Прошу за стол, у нас сегодня пьют —
Да я и так всю жизнь на керосине —
Не грог и не коньяк, не кислый брют,
А тупо то, что было в магазине.

Я сам не знаю, что там в сумке есть:
Поставлю все, побудем чуть князьями,
Ведь для меня всегда большая честь
Надаться в ноль со старыми друзьями.

Одна беда – мельчает русский дух:
Кто умер, кто зашит, а кто далече...
А кто уже смирился и потух,
Под бременем судьбы понутив плечи.

И я сажусь за праздничный свой стол,
Лью дрянь в стакан и пью ее, заразу,
И думаю: «А не достать ли ствол?
И не решить ли все проблемы разом?

Подумаешь..., ещё один debil...
Всем будет легче, меньше липкой гнили:
И дамам – тем, которых я любил,
И тем, кто мой порыв не оценили.

И остальным: коллегам и властям —
Они к моей беде глухи и стойки.
И уж, конечно, точно, что гостям,
Которых нет на дружеской попойке».

За тех, кто жив, и кто уже в гробу,
Я тост произнесу неровным слогом —
За них, с кем жизнь тащили на горбу
По скверным и ухабистым дорогам.

За тех ребят, которых знал сто лет,
И кто теперь в чужих далеких странах,
С кем сухари делили на обед,
И спирт с водой бодяжили в стаканах.

В одном строю с кем по уши в пыли
Шагали к счастью, умываясь кровью,
С кем Родине отдали, что могли,
Оставив ей и силы, и здоровье.

Сказать, что я герой? – Наверно, нет.
Что я дурак? – Вот это чуть поближе.
Я в непроглядной мгле не вижу свет,
И даже мглы я, собственно, не вижу.

А может, я хороший человек,
И добрый Ангел мне протянет руку,
И остановит стрелок чертов бег
По кем-то заколдованному кругу.

Но если б вы просили у меня
Помочь найти свой путь под небесами,
То я б сказал, ни грамма не темня:
– Идите в .., выбирайтесь сами.

Вы обратились, люди, не к тому,
Кто вас бы встретил с пламенным приветом,
А помощь мне нужна и самому,
Да только поздно заявлять об этом:

Талант завял, как брошенный тюльпан,
Хмельной задор уже на тешит тело,
Отмолотил дырявый барабан,
«Отбой» труба походная пропела.

Весенним снегом сгинули года,
Жизнь пронеслась виденьем иллюзорным,
Товарищи пропали кто куда,
Погас закат, и отпылали горны...

Умом Россию

Умом Россию не понять...
Еще трудней вопрос похерить...
Немного надо бы принять,
Чтоб легче в будущее верить.

И говорить начистоту
Под чай с вареньем или джемом,
Что, типа, выбрали не ту
С тобой страну для ПМЖ мы.

– Пора валить... – Ты что, дурак?
Куда? С какого перепуга?
– Да здесь, походу, вечный мрак,
И в сказки верится мне туго.

– Ты здесь обут, одет и цел.
Зачем, дружок, скажи на милость?!
– Да все не так, – Высоцкий пел, —
Так ничего ж не изменилось.

Все та же плесень, та же ржа,
Все та же косность и дремучесть,
Все те же вороны, кружа,
России кличут злую участь.

Давай плесни, погреем грудь!
Здесь для людей не будет кайфа.
В Берлин, Париж – куда-нибудь,
В Мадрид, Нью-Йорк... Да хоть и в Хайфу!

По рюмке, а затем еще...
Уговорить одну, вторую...
– Какая Хайфа? Ты ж крещен!
– А я о том же: не жирую...

Я с детства обнимал верстак,
Платил на пенсию исправно.
Но вдоль дороги все не так,
Ну а в конце ее – подавно.

А власти лишь с людей дерут,
Себе карманы набивают
И своему народу врут:
На коммунистов все кивают.

Мол, вот они – причина бед.
При том плюют и матерятся.
Прошло уже почти сто лет —
Они все Сталина боятся.

Эх, блин, клонировать бы прах,
Могло бы быть все по-другому...
Хотя при нынешних делах
Его б опять вогнали в кому.

И этот мрак не победишь:
Такие ушлые все стали!
Вернуть стране былой престиж
Не смог бы и товарищ Сталин.

Давай, дружок, еще налей:
Ни капли что-то нет на базе.
Вот посмотри: из всех щелей
На свет повыползало мразей.

Стереть бы всю планету в дым,
Чтоб не глядеть на эти рожи!
Меня не будет? Хрен бы с ним!
Так ведь и их не будет тоже!

А сколько жертв, а сколько войн...
Потоком ложь с телеэкранов.
И беспросвет, хоть волком вой!
Нас что, здесь держат за баранов?

Но включишь ящик, там одно:
Вассалы хвалят Президента.
И их лакейское кино
Не соответствует моменту.

Ведь жизнь, мой друг, уже не та:
Не те критерии и смыслы,
И что же, ждать, когда мечта
Утонет в разговорах кислых?

– Да брось, отстроится страна!
Немного ей бы курс подправить.
– Твоя страна давно больна,
И ей горчичник поздно ставить!

Мне что, пахать остаток дней
На этой бесконечной стройке?
Отдать свое здоровье ей
И умереть в вонючей койке?

Всю жизнь пахали мать с отцом,
В войну погибли оба деда...
Боюсь казаться подлецом,
Но объясни мне, где победа?

Ведь я давно не сплю ночей,
Одной терзаясь мыслью стремной
О том, как горстка богачей
Владеет всей страной огромной.

У них гражданства даже нет,
Да и живут они за морем.
У них нормально все, без бед,
Их семьи там, а мы тут спорим.

О том ли думал дед, комбат,
В своей последней страшной драке,
Когда со связкою гранат
Он лег под вражеские траки?

О том мечтал ли мой отец,
Тост за Победу поднимая?
Но был ли у войны конец? —
Так вот: и я теперь не знаю.

Они не видели Парад —
Им подвиг бранный жизнью стоил.
Но кто освоил результат?
Кто смерти их себе присвоил?

Какая страшная цена...
Но правды нет в моей Отчизне:
Фашизм сломившая страна

Вполне достойна лучшей жизни!

Зачем несем мы этот крест?
А, главное, в какое место?
Кто затащил нас в этот квест?
Кто месит нам такое тесто?

Тебе о пенсии сказать?
О ценах, о дороговизне?
Хотел тут с водкой завязать...
Да ну... Куда по этой жизни?

За что же людям столько бед?
Когда накрыла нас проказа?
Живут же люди там, где нет
Ни нефти, ни угля, ни газа!

У них и мир, и май, и труд,
И счастье есть в быту и в прочем...
– Ну да, в Финляндии живут...,
А в Африке, поверь, не очень.

Скажи, а счастливы ли те,
Кто бросил Родину навеки?
В какой волшебной красоте
Они хлебают счастья реки?

Кто вяжет им теперь носки
И стелет пышные постели?
А где остались старики —
Они же ехать не хотели?

Хороший дом, полна сума?
Все «гут», и нравится работа?
Да как бы не сойти с ума
От небылиц для идиота!

А как же Родина, тоска...,
Березки, осень и могилы —
Все то, к чему душа близка,
Что сердцу русскому так мило?

– Так что теперь – упиться в хлам?
И про березки тоже хватит!
Пойми, что родина лишь там,
Где ценят и нормально платят.

Там небо, может, и не то,
Дожди косят, а солнце слепит...

Там мало русского, зато
Никто тебе фуфло не лепит!

– Ну ладно, ты мне все сказал...
Давай финальную... И к чаю...
И в тему, что не завязал:
Добьем – немного полегчает.

Мне тоже ведь не все равно:
Душа неделями хворает...
Но только знаю я одно:
Отца и мать не выбирают.

А вот и утро... Дождь прошел.
Луч солнца нам как во спасенье!
И даже очень хорошо,
Что день сегодня – воскресенье!

На железной дороге (по А. Блоку)

Под насыпью во рву некошеном
В полсотне метров от вокзала
Лежит мужик, судьбой заброшенный,
Вечерний гость пивного зала.

С лицом, асфальтом изувеченным,
С зубами, сколотыми в драке,
Лежит, ментами не замеченный,
Один в холодном буераке.

Руками нежными не ласканный,
Уже обмякший, как вареник,
С блевотной жижею на лацкане,
Без чувств, без паспорта, без денег...

Косая сажень, руки сильные,
Как у известного актера,
Цепь и часы с браслетом стильные...
Как пропустили мародеры?

Глаза прикрыты, щеки вогнуты,
Рука в грязи, ботинки в луже,
В ширинке молния расстегнута:
Трусы семейные наружу.

Когда-то он физмат заканчивал
И лучше всех сдавал зачеты...
В спортзале бицепсы закачивал,
Был даже на Доске почета!

Вел жизнь шальную и кипучую:
Шашлык готовил на мангале,
Дружил с гитарой, пел, по случаю
Мог выпить, если предлагали,

Учил язык, хотел прославиться,
Водил девчонок хвост кометный,
Да как же мог он им не нравиться
С такой изысканной анкетой?

Остался в ВУЗе, диссер, хлопоты:
Банкеты, юбилеи, даты...
Преподавателем стал опытным,
Еще, к тому же, кандидатом.

Всегда легко с людьми знакомился,
И в стройотрядах был замечен,
Ну вот, таким он и запомнился,
А больше удивить вас нечем,

О тех годах... да со знакомыми
По рюмке водки бы в субботу!
И вспомнить в рамке над дипломами
На кафедре большое фото...

Но перестройки шквал стремительный
Смел все, чему учили книги.
Закрыли должность заместителя,
Потом жена ушла к барыге.

Прошелся ветер перестроечный
По жизни в бешеном хардкоре:
Принес в страну амбре помоечный,
В палатки спирт, а в семьи горе.

Ушла жена к бандиту лысому
И все бабло сняла в придачу.
Квартира на нее записана,
А с нею и машина с дачей.

И где-то жизнь пробила трещину...
Не удержав таких вибраций,
Остался без любимой женщины

И без особых мотиваций.

И оказалось, что не нужен он
Стране в таком репертуаре.
Мужик одну нашел отдушину —
Лакать вино в вокзальном баре.

Его вагон умчался в прошлое,
Где счастье, молодость, карьера...
Где воплощались сны киношные
Про честь, любовь, надежду, веру...

Вне обстоятельств и вне времени,
Придавленный нуждой и бытом,
Трубил за мизерную премию
На предприятии убитом.

Да что – давно уж печень вынута!
В жестоком мире чистогана...
Мечта забыта и задвинута
На дно граненого стакана!

И он хотел уже повеситься:
Куда не кинь – одни заплаты...
Но отложил к началу месяца,
Чтоб за год получить зарплату.

Нечасто он к начальству хаживал...
А тут зашел.., и был уволен...
И он пропал, спалился заживо
В коварных лапах алкоголя.

Из бара шел порой дождливою...
Но заплутал, ведомый бесом,
Всю обойдя платформу длинную,
Упал в овраг, не сдюжив с весом.

Снежинки бархатные светятся,
Не тая, в шевелюре пышной...
Уже готов он с Богом встретиться...
Вот только примет ли Всевышний?..

Два ярких глаза набегающих:
– Вот здесь... – И в холоде могильном
Закроет веки фельдшер знающий —
Тут помощь скорая бессильна.

Не подходи к нему с расспросами,
Кривясь от сцены валидольной...

Лежит мужик с ногами босыми...
Октябрь... Ему уже не больно...

Я к Богу шел

Я к Богу шел, скрипя и спотыкаясь...
И часто полз, лицом уткнувшись в зябь...
Я шел, греша и каясь..., каясь..., каясь...,
Болотной жижи сплевывая хлябь.

Я задыхался в бесконечном смраде
И там, где пропадала колея,
Я спрашивал себя: «Чего же ради?..
Я здесь живой, а там кто буду я?»

Брел по углям, вдыхая запах серы,
В чужой земле искал заветный рай,
Бывало, просто не хватало веры,
Бывало, вера была через край.

Я шел с повинной, стесывая берцы...
Хотел Ему сказать: «Господь, прости!»
Я Богу нес свое больное сердце —
Мне было больше нечего нести.

Поймет ли Он истерзанную душу?
Простит ли мне ошибки прежних лет?
Увидит ли, что разум мой разрушен
Бесславием несбывшихся побед?

И вот когда закончились дороги,
Преодолев последний перевал,
Я пал ничком с надеждой Богу в ноги,
А он сказал: «А Я тебя не звал...

Ты кто такой?.. Откуда?.. нищий, сирый?» —

И почему-то перешел на мат —
Я отвечал: «Пришел я из России,
Прости, Отец, я очень виноват».

– А.., из России... Дикие просторы!..
Из той страны, где сотню лет назад
Меня глушили пушками «Авроры»
И жгли меня под жалкий плач лампад?

Из той страны, где бывшие лакеи
Людей уничтожали без стыда?
Где оптом вешали, хребты ломали, шеи,
И где сто лет война, тюрьма, беда?!

Где тех, кого еще не расстреляли,
Жить заставляли с чистого листа:
Позвали всех в заоблачные дали,
И предали в который раз Христа?

Из той страны, которую закрыли,
Опохмелившись беленькой с утра?
А про людей, как водится, забыли,
Сломав им жизни росчерком пера?!

Из той страны, где продали иконы
И с колоколен сбросили кресты,
Где отменили таинства и звоны,
Где нет Меня... Чего же хочешь ты?

– Прощения, Господь, за то, что веру
Сто лет назад продали ни за грош,
А души в траст отдали Люциферу!
За атеизм, предательство и ложь!

Господь заплакал, к небу подняв руки:
– А Я ведь ждал... сто страшных долгих лет...
Но не пришли – тебя прислали, суки...
Ты встань, чувак, к тебе претензий нет!

И улетел, вдали сливаясь в точку,
Добив последним словом разум мой:
– И не хрен тут бродить по одиночке!
Теперь Аминь!.. Придете всей страной!

Родине

Дороги нет – лишь тропы ложные...
По сторонам – тоска дремотная...
Пойдешь налево – даль острожная,
Пойдешь направо – топь болотная.

А если прямо – тучи черные...
Там льется дождь слезой обильною,
И топит он мечты никчемные,
И моет он кресты могильные.

Полей ряды в лоскут изорваны...
Беззубый пахарь кровью харкает...
А над землею черны вороны,
Почуяв кровь, кружат и каркают.

Из чащ дремучих нежить выперлась —
Готовят шабаш в час назначенный...
Сто лет уже, как правдой вытерлись,
А такса все еще не плачена.

Кто виноват? Что делать, граждане?
Где смысл тех жертв, что миру дадены?
Куда идти нам – всем и каждому,
Когда страна – и та украдена?

Земля хрипит – хлеба не сеяны,
А вместо песен лишь смех юродивых...
А с неба Бог глядит растерянно
На то, что сделали мы с Родиной.

Народ молчит – европам завидно...
Растит свой горб и Богу молится...
Под образами бьется праведно,
А отвернется – пьет и колется.

Но раз в сто лет – подходит времечко —
Грозит властям серпом и молотом...
Придет с мандатом, даст по темечку,
И кинет в фарш с костями смолотый.

И за стеной шестиметровую
Не факт, что всем удастся спрятаться!
Готовьте впрок гробы дубовые —
Не ровен час, придут к вам свататься:

– Кто главный тут? Давай..., покедова...
Кто олигарх? А где опричнина?
А что у нас методы дедовы,
To mille pardons – ничего личного.

Крест не блеснет в толпе фанатиков,
Пойдут сынки стрелять в родителей,
Умоют в кровь поля солдатики
В лихом бою без победителей.

Боярам что? – Им не икается,
Пока гудят труба и скважины,
Да и в церквях никто не кается
За тех, кто сгнил в России заживо.

Промчит беда по землям выжженным,
Сметая все на полной скорости,
Расправит горб народ униженный —
Не будет больше жить в покорности.

Хотите смуты? Будет смута вам:
За упокой, потом за здоровье —
Ловите искры с костра раздутого
За ложь, за чванство и за бесправие.

Придет Ильич и Сталин с Берией.
Не привыкать – Россия справится.
Но их особая бухгалтерия,
Боюсь, не очень вам понравится.

Припомнят все: и деньги партии,
И нефть рекой, и лес порубленный,
И горький стыд людей на паперти,
И кровь земли, за водку скупленной.

Холоп и пан не станут братьями,
А русский бунт – лечение горькое...
Не дай, Господь, еще раз встать ему
Над Русью—матушкой багряной зорькою...

Моя Россия

Как тебя понимать? —
До сих пор я не знаю...
Расскажи, ты же Мать,
А не мачеха злая!

Синим облаком грез,
Волшебством акварели,
Покрывалом из звезд
На бескрайней постели

Ты раскинулась вдаль,
Как безбрежное море,
Ты восторг и печаль,
Ты и радость, и горе!

Я на свежих ветрах
Пил медовые росы,
На осенних кострах
Заплетал тебе косы

И по жизни пронес
Соловьиные трели,
Майский шепот берез,
Вербный запах апреля.

По весенним ручьям
С горькой думой скитался...
— Чья ты, Родина, чья?
Ты ответь, не стесняйся!

В небеса упаду
И в озерах растаю,
Бабым летом найду
Журавлиную стаю,

С нею в высь поднимусь
До сердечного стука:
Бесконечная грусть,
Запредельная мука!

Ты трезва и пьяна,
Ты и слабость, и сила,
Весела и грустна,
Ты – и жизнь, и могила!

Душу верою жгу —
И смирен, и послушен...
Но понять лишь могу,
Что тебе я не нужен!

Ты судьба и беда...
Ты ласкала и била...
Ты меня никогда
До конца не любила!

У меня за душой
Лишь февральские ветры
Да надел небольшой —
Полтора на два метра!

Выгораю дотла
Оттого, что не любишь —
Ты меня родила,
Ты меня и погубишь!

Ты – как омут без дна,
Суть и ада, и рая,
У меня ты одна,
Не нужна мне вторая!

Как тебя обвинять —
Ты же Мать мне родная?!
Надо что-то менять,
Только что? – Я не знаю.

Буду верой служить,
Молча слезы глотая...
Без тебя мне не жить,

И с тобой умираю!

Но опять и опять
Крест готов свой нести я —
Дай мне только понять,
Что моя ты, Россия!

Встреча с Ильичом

Июньский вечер, день к закату...
Иду домой навеселе —
А как же: получил зарплату —
Таков обычай на селе.

Иду, кайфую, фейс лучится,
И млеет сердце от красот!
И все бы ладно, но случился
Один занятный эпизод.

Последний поворот, и дома.
Тут как на голову кирпич:
— Добрейший вечер! — Мы знакомы?
— Я Брежнев Леонид Ильич!

— А... Брежнев... Ну тогда я Сталин,
А может, Цезарь... или Брут...
Вообще, ребята, вы достали —
Вас что, в дурдоме не берут?

Ты извини, но нет наличных.
— Есть закурить? — Да тоже нет.
Вот ты, мужик, хоть Брежнев лично,
Но сам купил бы сигарет.

Смотрю внимательней, и точно:
Не вор, не шут, не гомосек...
С усталой проседью височной...
А вдруг и правда наш генсек?

— И что же, вы тот самый Брежнев, —
Меня как паралич сковал, —
Который горячо и нежно
Партийцев в десна целовал?

И, уж простите за детали,
Еще которому плечо
Врачи расшили для медалей,
Страной любимый горячо?

А он стоит, густые брови
На переносице сложив,
В губах немного меньше крови,
А так... один в один, и жив!

Ни дать, ни взять, директор банка,
Лишь поскромнее пиджачок,
Большая орденская планка —
Во, оторвался мужичок!

Я чуть не умер от конфуза,
На планку посмотрел когда:
Четырежды Герой Союза,
Одиножды – Герой Труда!

Партийный деятель, военный —
А здесь пора рукоплескать —
Таких, как Он, во всей Вселенной
Пяток, наверно, не сыскать!

Да мне с моим немытым рылом
Ни в жизнь такого не достичь!
И сердце с трепетом заныло:
— Ей—ей, воистину Ильич!

Не тот, который в Мавзолее,
Где вечный сумрак и покой,
Не тот, который лысый Ленин,
А тот, который дорогой!

А я не очень, чтоб на лица —
На свете столько всяких рож!
И Брежнев умер лет как тридцать,
А это кто? Но как похож!

И тот же нос, и брови те же,
И тот же строгий долгий взгляд,
Протеза скрип немного реже,

А так – как тридцать лет назад!

– Не узнаешь? Глаза подводят?
Налил бы деду сорок грамм.
У нас вверху там слухи ходят,
Что вы Союз сломали в хлам.

Недавно с Кобой выпивали,
И он сказал мне так, с душой:
– Какой мы им страну отдали?
– Богатой, сильной и большой!

А нынче новые порядки,
Другие взгляды на предмет —
Вот и возникли непонятки,
Никак не сходятся в ответ.

Он мне сказал: «Ты, Ленъ, моложе,
На пару дней слетай-ка вниз
И помоги им там, чем сможешь —
Достроить нужно коммунизм!

Узнаешь, как живут колхозы,
Чем дышит пролетариат,
Какие в обществе запросы,
Про нас что нынче говорят,

Интеллигенцию послушай —
Пощупай слабое звено.
Все как и раньше: бьют баклуши?
Или на кухнях пьют вино?»

Нет, мы, конечно, понимали,
Что здесь у вас совсем не рай,
Но чтобы в данном экстремале —
Тут вы хватили через край!

Колхозов нет, заводы встали,
Леса горят – тоска и грусть!
Что скажет мне товарищ Сталин,
Когда на небо я вернусь?

Одна труба и днем и ночью
Жужжит в Европу без помех —
Он сам увидел бы воочию,
Наверно, расстрелял бы всех!

За то, что вы страну прос..али
Да и еще за просто так —

Ее веками собирали
В огромный ядерный кулак.

Чтоб эту отобрать дубину!?!...
Я и представить не могу...
Как вы отдали Украину
На растерзание врагу?

Напомнить, может, про узбеков?
Они, к всеобщему стыду,
На стройках пашут вместо зеков —
Кто за гроши, кто за еду.

А молдаванин распустился...
К румынам всяк удрать готов.
Ты слушай, коль уж я спустился,
Скажу буквально пару слов.

Ведь я всю жизнь прожил на грани —
Не просто так попал во власть:
На фронте был: контужен, ранен —
Того и челюсть не срослась.

Нам в сорок первом было хуже,
И там не то, чтоб колбасы —
Там хлеба не было на ужин.
Что оробел? Да ты не ...ы!

Хлебали кипяток из кружки,
А воду брали из болот,
И хлеб делили на осьмушки —
Такой был, значит, бутерброд.

А медсестра из медсанбата
Считалась чуть ли не женой:
Пусть некрасива и горбата —
Целуй ее, пока живой!

Да что собою любоваться?!
Тех лет назад не вернуть,
А что любил я целоваться —
Так это можно и простить!

Мы не готовы оказались
К негласным методам войны,
Когда в вожди к вам навязались
Те, кто топил за крах страны.

И за торжественным парадом

Не просекли ее нутро —
Предателя пригрели рядом.
И где? В самом Политбюро.

За ширмой юбилеев шумных
И тенью пышных похорон
Под сладкий мед речей заумных
Лукавый занял русский трон.

Ведь мы как умерли, так сразу
Ползли черти из щелей —
Не распознали мы заразу
Из легковёрности своей.

Сначала Кобу оболгали —
Весьма изменчив наш народ —
Детишек Сталиным пугали,
Меня впихнули в анекдот.

И вместе начали смеяться:
– Смотрите: Брежнев, ха-ха-ха,
А чтобы Родиной заняться —
Так никуда без пастуха!

Мой гроб в могилу уронили —
Видать, на это был запрос.
Ты думаешь, легко в могиле
Лежать, когда там перекоп?

Скажи, чего ж вам не хватало:
Картошки, водки, огурцов?
Сейчас все есть – вам легче стало,
Когда вы предали отцов?

Чужая жизнь в телеэкранах:
Малахов, Бузова, Собчак,
Куда не глянь, везде охрана:
Понятно с «оком» – с «зубом» как?

В хоккее не было нам равных,
Нам был привычен вкус побед,
А на трибунах, даже главных,
Орали так, что гаснул свет!

Канаду били в Монреале,
В Москве – так вовсе всякий раз!
А что сейчас у нас в реале?
– Все побеждают, кроме нас!

В футболе что-то получалось,
А лыжники и бегуны
Без допинга к победам мчались —
Ковали золото страны.

Мне трудно обойтись без мата,
Чтоб описать ваш беспредел.
У вас такие здесь откаты!
У нас за это был расстрел.

Мы шли к рассвету твердым шагом
Под красным знаменем труда,
А вы безропотным зигзагом
Ползете кротко в никуда.

В ногах чужих мы не валялись
И не юлили в трудный час!
И санкций с..анных не боялись —
Тогда они боялись нас!

Мы и работали ударно —
И уж совсем не как рабы,
А вы лениво и бездарно
Зады пригрели у трубы.

Мы никогда не покушались
На жизнь людей – не нужно врать,
А ваша власть не погнушалась
У нищих пенсии забрать.

Да, с колбасой порядок, вроде,
Один вопросик, правда, есть:
Хоть целиком, хоть в бутерброде —
Ее же невозможно есть!

Она ж не портится годами —
Такие, братец, чудеса!
Не будет сказано при даме,
Но это... дрянь – не колбаса.

Ее состав – загадка века,
В ней кошка мяса не найдет,
И от нее через аптеку
Народ на кладбище бредет.

А водка... ну куда вам столько?
Зачем вам пятьдесят сортов?
При мне три вида было только
На двести миллионов ртов!

Коньяк армянский для эстетов,
Букет Молдавии – низам,
А для восторженных поэтов —
Havana Club и Black Balsam.

И, вроде, всем всего хватало —
Кто шел по правильной тропе.
Кому же пошла было мало —
Таких лечили в ЛТП.

При мне по-доброму все было:
Бутылка водки на троих!
Теперь берут пузырь на рыло,
И ощущений никаких.

Легко пилось и звонко пелось,
А было чем и закусить!
Но вам свободы захотелось...
А от кого? – позволь спросить!

Свобода, брат, не для России.
Вот мы: как сбросили царя,
Так столько мрази накопили,
А получается, что зря.

А мразь... она крепка чертовски!
Ее секрет довольно прост.
Она – как борщевик Сосновский,
Чем чаще косишь, больше в рост.

Ее консенсусом не выбьешь
И плюрализмом не возьмешь,
Ну только если литр выпьешь,
Тогда вдогон вторым добьешь!

А утром снова за работу:
Приехал в Кремль – бери косу!
А я бы лучше на охоту...
Опять ты мне про колбасу?

Скажу: жить бедно – не обидно,
Одно лишь непонятно мне:
Ну неужели вам не стыдно
Жить в завоеванной стране?

Я для чего клепал ракеты
И днем и ночью день за днем?
Чтоб вы теперь по белу свету

Гуляли с порванным рублем?

И чтоб сегодня нам вредили
И издевались над страной
Все те, кого мы победили
Такой немыслимой ценой?

А ваша власть? Слепа, беззуба...
Ей опереться б на народ —
Она же просто дует губы
И все вершит наоборот.

А в том, что вы страну прос..али
Моя вина, конечно, есть,
Но вы и совесть потеряли,
А к ней достоинство и честь.

Мы с Кобой размышляли много
О том, что на душе горит,
И он в конце уперся рогом:
– Я сам пойду к ним, – говорит.

Властям, зарвавшимся от денег,
Про день вчерашний расскажу,
Пилу дам в руки, грабли, веник,
А не поможет – посажу.

Еще чуть-чуть, и я бы сбредил:
Позвал бы Брежнева на чай, —
Что смог, то сдуру и ответил:
– Мол, ты, Ильич, не осерчай.

Но он исчез, как появился,
И не услышал мой ответ.
Лишь в конце улицы дымился
Его размытый силуэт.

А я остался в трансе жутком
С тревогой о судьбе страны,
Все думал: Чья же это шутка? —
Друзей, начальника, жены?

А может, и не юмор вовсе,
А так – на рану жгучий йод...
И разум шепчет: «Брат, готовься —
Походу, Сталин к нам идет».

Пророчество

Мне не спится: мучает бессонница,
Да и жалко времени для сна.
Вспоминаю: тетушка, покойница,
Причитала: «Прийде Сатана.

А спасутся только те, кто верует,
Те, кто чист и сердцем, и душой,
Остальные хватят полной мерою
От беды, свирепой и большой».

Я смеялся: тетка бескультурная,
Вот же, начиталась ерунды:
– Брось свои фантазии сумбурные,
Как бы не накликать нам беды!

Где ты углядела эти признаки? —
Не иначе, тронулась умом —
Вурдалаки и иные призраки
До сих пор не трогали наш дом.

Строй советский, собственность народная,
Власть тверда и армия сильна,
Хлеб в достатке, земли плодородные —
Да какой там, к черту, сатана!

Отвечала тетка мне насуплено:
– Глуп ты, малый, даром, что крещен.
Все давно и продано, и куплено—
То тебе не ведомо еще.

Прийде Зверь, читайте, что обещано
Про рога, про цифры, про печать.
В умных книгах все давно предвещено —
Хлебом солью будете встречать!

Пролетели годы в ритме бешеном...
Вспомнил я про тетушкины сны.
В них же сам себя узрел повешенным
На просторах проданной страны.

Сердце и душа мои не приняли
Гнусностей, свершенных со страной —
Тех, что разум надвое расклинили
И глаза покрыли пеленой.

Вспомните «святые» девяностые:
Как страну готовили в утиль,
Расползалась ржавою коростой
По стране коричневая гниль.

Кто терял богатство, кто потенцию,
Кто-то совесть, кто-то и жилье,
Кто-то в церковь шёл за индульгенцией,
Кто-то от отчаянья в жульё.

Не вранье, не шутки, не злословие —
Прошное мне раны берedit —
Появились странные сословия:
Новый русский, киллер и бандит.

Все снесли – до самого фундамента,
Всей стране навесили процент,
А на страже нового регламента
Прокурор, судья, чиновник, мент.

Истина проста до неприличия:
Жизнь – игра, и каждый в ней игрок,
Деньги – всё, особенно наличные,
Миром правят алчность и порок.

Только бесполезно разбираться в том —
Ни мозгов не хватит, ни вина.
Опыт был в году у нас семнадцатом,
До сих пор расколота страна.

Говорят, причины объективные
Были, но теперь уже плевать:
Появились граждане активные,

Стали неактивных убивать.

Сколько жизней праведных загублено!
Сколько судеб сгинуло в огне,
Сколько душ незрелых перекуплено
На кровавый праздник Сатане!

Вся страна – как кладбище огромное:
Ночью бродят волки да медведь,
Ветер воет марши похоронные,
Чуть от мегаполиса отъедь.

Новый век явил законы новые,
Прежний опыт ничего не дал —
Правила опять средневековые:
Кто богаче, тот и феодал.

И наоборот – одна история,
Сколько лет дурачили людей!
Как гласит известная теория:
Кто у власти – тот и богатей.

Круг замкнулся, выходы захлопнули,
На дверях навесили замок.
Пузыри надежды звонко лопнули.
Кто-то примирился – я не смог.

Чтоб понять свершенья эпохальные,
Только не витрину, а испод,
Просто посмотри в глаза нахальные
Наших новоявленных господ.

Кроме нескрываемой продажности
В них найдешь лишь скорый интерес
К дважды перечеркнутой для важности
Пухленькой латинской букве S.

Господи! За что все эти беды нам,
Неизбежный бесконечный стрем —
Быть народом вечно всеми преданным,
Даже президентом и царем.

Главные слова еще не сказаны,
И пройти бы, может, стороной —
До сих пор ведь так и не наказаны
Те, кто поглумился над страной!

Те, кто вывозил богатства тоннами,
Те, кто воровал и убивал,

Те, кто потешался над законами,
И кто в душу русскую плевал.

Отгremели битвы и сражения,
Умерла в конвульсиях мечта,
А в глазах лишь неба отражение,
А на сердце боль и пустота.

И скрипит годов ушедших лестница,
Жизнь хрипит, как ржавый унитаз...
Тетка, тетка, бед грядущих вестница,
Что ж ты напророчила для нас?

Но не отпускает память цепкая,
Бьется ниткой пульса на виске:
А была ли вера моя крепкою,
Или просто крестик на шнурке?

С.А.Есенину

Отшумело, отболело, отыграло,
Превратилось в журавлиный клин, —
Лето красное, тебя мне было мало,
И я остался в осени один.

Эта осень мне теперь, как мать родная:
Горько плачет в серый выцветший платок,
Про себя о чем-то тихо причитая
И крестясь, чтоб не споткнуться о порог...

Не для тех я пел и водку пил не с теми,
И не в той постели грелся по ночам...
Просто жаль, что ничего не лечит время,
Да и поздно бегать по врачам...

Эх, вернуться бы неслышными шагами
И начать бы от родительских дверей,
Но только шорох мертвых листьев под ногами,
Только мерзкий свет замерзших фонарей...

Тени прошлого насилуют мне память,
Их никак не обойти, не обмануть,
Ничего уже, наверно, не исправить,
Ничего уже, конечно, не вернуть.

Ты не рви, не рви мне, ветер, в клочья душу, —
Мне и так несладко, видит Бог,
Может, я еще кому-то нужен,
Может, мне еще не вышел срок.

Может, в небе, пасмурном и хмуром,
Вознесется, словно благовест,
Материнской сгорбленной фигурой
Пресвятой животворящий Крест.

Новейшая история страны

Наш путь во мгле. Ни звезд, ни маяков.
Состав ползет в тумане одиноко.
За пеленой тяжелых облаков
Ни цели, ни девиза, ни намека.

Нельзя построить счастья на крови —
Страна пришла к понятному итогу:
Ни веры, ни надежды, ни любви
Ни к ближнему, ни к дальнему, ни к Богу.

И этой безнадёги этажи
Не расшибить ни обухом, ни плетью.
Вдали исчезли даже миражи,
Манившие все прошлое столетье.

Всегда вперед летел наш паровоз,
Порой не разбирая семафоров,
Но поезд вдруг пустили под откос
Среди родных полей и косогоров.

Ни средств мы не жалели, ни людей
Во имя, нам казалось, лучшей цели —
В плену своих магических идей
Себе и всем до смерти надоели.

А паровоз летел сам по себе
Туда, где мир, казалось, свят и прочен,
В неравной страшной классовой борьбе
Бросая трупы граждан у обочин.

Мы думали, что пролетят года —
Всем выпадут счастливые билеты...
Как оказалось, шли мы не туда,
Где ждали нас прекрасные рассветы,

И выбраться никто не смог из нас, —
Настолько безграничен был колодец, —
А главное, что в самый трудный час
Нас предал самый главный полководец.

От жителей страны, как от огня,
Слинял герой – не снилось Джеймсу Бонду —
Сказал: «Сдаюсь, и дальше без меня!»
И укатил с одноименным фондом.

Он был хитер и крут: матерый лис —
Владел толпой подобно экстрасенсу.
Он выступал за гласность, плюрализм,
За перестройку, кворум и консенсус.

Он нетерпим был к водке и вину
И говорил: «С ярмом алкоголизма
Пойдем мы все, товарищи, ко дну!
Нам в жизни не построить коммунизма!»

Но был зело лукав его задел,
Ведь дело в том, что (это по секрету)
Никто его и строить не хотел —
Нам парили фальшивую монету.

Ведь коммунизм – он был уже у них —
У тех, кого зовут номенклатурой:
Закрытые буфеты для своих,
Просмотры с обнаженной натурой,

Пайки, медали, Чайки, ордена,
Больницы, санатории и дачи
Они давно освоили сполна.

А что народ? Народец пусть поплачет.

Какой же псих, по правде говоря,
Делиться будет со своим народом?
Кому досталось Знамя Октября?
Конечно им – не жалким нищebroдам.

Забили на порыв народных масс
И в коммунизм переместились плавно:
Красиво можно жить уже сейчас,
Конечно же, не всем, а только главным.

И вот уже объявлен новый НЭП,
Процесс пошел, его спустили в массы:
Подорожало золото и хлеб,
А преуспел, кто первый был у кассы.

Дзержинского свалили второпях,
На всякий случай деньги отобрали,
А граждане с барсетками, в цепях
Пришли и все по—тихому украли.

Потоком лжи вещал телеэкран.
Включились все: от зама до министра.
Под тосты президентов разных стран
Стране конец настал довольно быстро.

Действительность казалась страшным сном:
Народ мычал и ждал капитализма,
Захлебывался пивом и вином
И привыкал с похмелья к горькой клизме.

– Вот—вот, друзья, я видел, он идет!
На Мерседесе едет в белом фраке!
Он нам, дебилам, доллары везет
И очередь в Макдональдсы до драки.

Теперь—то мы, как люди, заживем:
Все будем в джинсах чавкать ананасы,
А щи и кашу жвачкой зажем,
Но все, кто не вписался – мимо кассы!

Затягивалась мертвая петля.
Жизнь становилась каверзней и злее.
Зашевелился Сталин у Кремля,
Ильич заплакал, лежа в Мавзолее.

Капитализм народу волчью пасть
Явил в своей убийственной натуре,

И люди снова материли власть,
Прикладываясь к губительной микстуре.

Как трудно в сорок начинать с нуля...
Просили люди сделать так, как раньше,
Но те, кто был в то время у руля,
Делили кэш и воровали транши.

И новый лидер оказался глух
К стенаниям и жалобам народа.
Он гнал его, как выгоняют мух,
Графинчик доставая из комода.

А жители колбаски в бутерброд
Просили чуть – не акции Газпрома,
Но виноват всегда в стране народ,
И это, вроде, как бы, аксиома.

– Так вы же сами выгнали хапуг
И Феликса свалили на Лубянке, —
Сказали им в Кремле, заметив вдруг,
И под шумок ввели в столицу танки.

И начали хреначить по своим —
По тем, кто окопался в Белом Доме.
Весь мир смотрел – вот это был экстрим —
Как старый мир горел в предсмертной коме.

По ящику с рабыней сериал,
Шприцы валялись прямо возле школы,
Народ пил водку в банках, спирт Роял,
Для кайфа полируя Херши—Колой,

Камю турецкий, сигареты лайт,
Поштучно кофе Игл, голимый жутко,
Противный юпи, зуко и инвайт —
«Добавь себе, дружище, рак желудка».

Хопер—Инвест, Тибет, Гермес—Финанс,
Банк Чара, МММ, и Властелина...
К ним приходили люди с верой в шанс,
А уходили навсегда и в глину.

На пленных кто-то сильно руки грел —
Одна война в Чечне, затем вторая:
Кому гешефт, ну а кому расстрел,
Кому дворец, кому дерьмо сарая.

Ни денег, ни работы... Полный мрак!

Менты борзели, тешились бандиты..
И в этот час наверх полез дурак
Унять свои больные аппетиты.

Народ метался, словно идиот,
В условиях тотального обмана,
И невдомек всем было, что идет
Процесс по заготовленному плану.

Союз, быть может, кто—то не любил —
На этот вброс не поведу и бровью —
Всегда найдется враг или дебил,
Чтоб хайпануть на собственном здоровье.

И здесь нашлись. Не сразу и не вдруг.
Нелепая случайность? Нет, едва ли..
Но на партсъезде тысячами рук
За Горбачева все голосовали.

Молчи, тоска.., я слов не нахожу!
Теперь он стар и всеми презираем.
Он жил зачем? Понятно и ежу:
Чтоб наша жизнь не показалась раем.

Меня лет десять память не зовет
В те злые годы. Было слишком больно,
А парень этот – он еще живет,
Самовлюбленный, сытый и довольный.

Приличных слов в моем запасе нет —
Любой эпитет отливает кровью.
Дай Бог ему спокойных долгих лет,
Успехов в жизни, счастья и здоровья!

Величие страны во все века
Не мерялось деньгами власть имущих:
Боярам – честь, их служба нелегка,
Народу – тяжкий труд за хлеб насущный.

И только правда, общая для всех,
Была стволom – скрепляла каждый атом,
Ведь жить без правды – самый смертный грех:
Могила всем: и бедным, и богатым.

А власть с верхушки начинает гнить —
Прекрасно видно в замкнутой квартире.
Народ один – его не заменить,
Хотя ряды приезжих только шире.

За воровство положены срока.
Лукавство есть в посыле этом важном:
А как же быть, когда властей рука
Залезла в кошельки своих же граждан?

А что теперь? С кого о чем спросить?
Прос..пали то, что создано не нами,
И боль в душе уже не погасить
За то, что сам причастен к этой драме.

Как зритель, как свидетель, как актер,
Не ведая и не подозревая,
Со стадом шел на жертвенный костер,
Не думая, куда ведет кривая.

Кого винить: прибалтов ли, грузин? —
Про них сегодня говорят мне часто —
В огонь мы сами лили керосин,
Наверно, чтоб быстрее склеить ласты.

Всех размели: казахов, молдаван,
Армян, азербайджанцев, украинцев,
И предали друзей из дальних стран:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.